

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция к южным вепсам

В рамках выполнения проекта «По следам древних вепсов: комплексное экспедиционное историко-культурное исследование» (ФЦП «Интеграция», 2002–2006, № Э-0281/933) в августе 2003 г. состоялась экспедиция в Бокситогорский район Ленинградской области, где в верхнем течении р. Лидь расположены деревни с южновепским населением. Экспедиция носила междисциплинарный характер: в ней принимали участие специалисты в области этнографии, фольклора, деревянного зодчества, этномузыковедения, а также лингвисты – сотрудники вузов Петрозаводска и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Цель проекта – исследовать формирование и историю развития вепского ареала в условиях многовекового русского контактирования.

Включение в комплексный проект топонимического раздела связано с большим этноисторическим потенциалом топонимии, обусловленным объективностью содержания топонимов, их исключительной устойчивостью во времени и привязкой к местности. В ходе обследования решались следующие задачи: полный сбор микротопонимии ареала, его картографирование, языковая и этноисторическая интерпретация. Материал собирался по специальной программе, разработанной в Институте ЯЛИ и нацеленной на максимально полное выявление совокупности географических названий – от макро- до микротопонимии. Для сбора использовались топографические карты масштаба 1:25 000, помогающие осуществлять привязку топонима к местности.

Ареал расселения южных вепсов может быть охарактеризован как пограничный – и в смысле географическом, и с точки зрения прохождения административных границ. Географически он примыкает к Волжско-Балтийскому водоразделу. Основной южновепский ареал располагается в верховьях р. Лиди, которая принадлежит бассейну Волги. Однако в западных его пределах – верховья р. Тутки, входящей в Балтийский бассейн. В ходе экспедиции обследованы следующие населенные пункты: Радогоща, Бочево, Боброзеро, Петрово, Остров, Пожарище, Кортала, Прокушево, Лахта, Сидорово, Чайгино, Маслово, Пудрино, Борисовщина, Дмитрово, входящие в состав Радогощинского сельсовета Бокситогорского района Ленинградской области. Опрошено 38 информантов. Записано более 1 000 топонимов, большая часть которых картографирована.

Ниже сформулированы основные научные результаты и предварительные выводы.

Вепсы проживают (или проживали в недавнем прошлом) в большинстве обследованных населенных пунктов. Это относится и к расположенным на южной окраине ареала современным русским поселениям Пудрино, Борисовщина и Дмитрово, топонимический массив которых включает убедительные примеры топонимов с вепскими истоками. В Пудрино, например, к таковым относятся названия деревень *Пудрино*, *Сурсаково*, *Кячкино*, *Буржсаиха*, в которых закрепились традиционные вепские антропонимы прозвищного характера. Вепское наследие представлено здесь и в других топонимических разрядах, главным образом в наименованиях объектов, удаленных от поселений, – лесных урочищах, озерах, болотах (*Оласово болото*, *Сусарь*, *Мумсарь*, *Кукозеро*, *Курручей*, *Ленозерки* и др.). Надо полагать, что в прошлом вепская топонимия на этой территории была более богатой. Наглядным примером того, как со временем происходит смена старой вепской топонимии русской, может служить название оз. Борисовского, на берегу которого находится деревня Борисовщина. Современное наименование озера вторично и восходит к соответствующему ойкониму – названию поселения. Одна-

ко упомянутый одним из информантов факт, что появившийся в 1920-х гг. в Борисовщине колхоз назывался почему-то *Конго* (информант связывал название с именем африканской страны и выражал недоумение по поводу мотивов номинации), дает основание предполагать, что на самом деле в нем отразилось традиционное название Борисовского озера – **Конго* или **Конгозеро* из вепс. *hong* ‘со-сна’. Предположение подтверждается материалами Генерального межевания XVIII в.: на карте оз. Борисовское названо оз. *Конго* [РГАДА, ф. 1356. Карты и планы Генерального межевания, № 3138].

О вепском прошлом современных русских деревень района обследования свидетельствует и то, что в д. Пятино в 1916 г. финские исследователи Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянен, а в 1917 г. Л. Кеттунен записывали образцы вепской речи [см.: Väisänen, 1969; Kettunen, 1918]. До сих пор д. Пятино разделяется на две части – *Чухарское Пятино* и *Русское Пятино* [см.: Йоалайд, 1989, 78]. Такое же деление на русскую и вепскую часть известно в д. Дмитрово (*Русское Дмитрово* и *Чудское Дмитрово*). Показательно также то, что по южной окраине территории обследования расположено несколько поселений с названиями *Чудцы*, *Чудская*, *Чудское*. Как известно, топонимы с этнонимическими основами обычно маркируют территории пограничного расселения этноса. В нашем случае они, видимо, отражают вепско-русское пограничье в определенный исторический период времени.

С другой стороны, в топонимии русских поселений отмечены восточнославянские топонимические типы разного времени – от древнерусских до современных, свидетельствующие о поэтапном освоении территории. В названии центра сельсовета *Радогощь* отразился древнерусский новгородский тип ойконимов на *-гост/-гощь*. Связан ли русский вариант топонима с вепским *Arskah*, не вполне понятно. Модель представлена еще по крайней мере двумя топонимами: *Тургошь* в нижнем течении р. Лидь и упоминаемая в составе Койгушского погоста «дер. на Домогоще» [ПКОП, 51]. Среди других традиционных русских моделей укажем топонимы, оформленные концевкой *-ицы* (*Ланицы*), *-ня* (*Дегтяря*), *-иха* (*Лобаниха*), модели кратких прилагательных (*Тресна*, *Моложе*), а также такие топонимы, как *Жальник* или *Люцик*, в которых отразились древние новгородские лексемы. Это подтверждает вывод о том, что регион обследования – традиционное вепско-русское пограничье: здесь присутствуют старые русские модели, но отсутствуют вепские, маркирующие территорию первоначального расселения (см. ниже). При этом граница постепенно отодвигалась на север. Надо полагать, что в прошлом она проходила по р. Тихвинке, к которой привязано несколько топонимов с основой *чуд-* (часть из них зафиксирована в Писцовых книгах 1496 г.). Расположенные севернее, на водоразделе Тихвинки и Лиди, а также Тихвинки и Явосьмы, поселения (Ростань, Пятино, Абрамова Гора, Дмитрово, Койгуши), видимо, оставались в стороне от торных дорог русского освоения. Показательно, что в окрестностях перечисленных, а также бывших водораздельных деревень Маренница, Усадище присутствуют топонимы-полукальки, которые возникли в результате перевода оригинальных вепских названий (типа *Вадозеро*, *Кангозеро*, *Самозеро*, *Вехручей*, *Курручей*) и маркируют на севере территорию, прибалтийско-финское население которой через процесс билингвизма перешло на русский язык. К югу от р. Тихвинки освоение «финской» топонимии происходило иным путем, и полукальки отсутствуют, что указывает на иной тип прибалтийско-финско-русских языковых отношений.

На фоне проводившегося в прошлом году обследования верховой р. Суды русская топонимия в ареале верхней Лиди и сопредельных территорий отличается значительным числом старых традиционных русских моделей. Совершенно очевидно, что верховья Суды оказались в стороне от активной русской колонизации раннего времени. Наоборот, Чагода, в систему которой входит р. Лидь, а также Тихвинка являлись основными проводниками древнерусского (новгородского времени) продвижения на восток. Закрепившиеся в топосистемах этих рек ранние модели расширяли свой ареал по мере продвижения русских вглубь территории, на водоразделы.

Намеченное противостояние Тихвинки и лежащих к северу от нее территорий согласуется с данными традиционного административного членения территории, по которому в XV в. деревни по Тихвинке входили в состав Озерского погоста, в то время как расположенные севернее – в состав Койгушского погоста [ПКОП]. Последний занимал водораздельную территорию между Лидью, с одной стороны, и верховьями рек Тутоки и Ретепи, стекающих в Пашу, с другой. Расположение центра погоста (с. Койгуши), а также старинного Пятницкого погоста указывает, по-видимому, на то, что здесь проходил волоковой участок транзитного водно-волокового пути из бассейна Ладожского озера (р. Тутока → р. Явосьма → р. Паша или р. Ретеша → р. Явосьма → р. Паша) в бассейн Волги (р. Лидь → р. Чагодоца → р. Волга). По значению он, конечно, уступал Тихвинско-Чагодошскому пути, однако сыграл свою роль в форми-

ровании потоков освоения территории. Так, ареальная характеристика некоторых русских топонимических моделей этой территории свидетельствует, вероятно, о том, что маркирующая раннее новгородское освоение модель *-гоиць* [см.: Микляев, 1984] (*Радогоиць*) распространялась вверх по Лиди, в то время как другие модели могли проникать и с запада по Тутоке и Ретеше, а также по Тихвинке.

Надо полагать, существование этой водно-волоковой дороги было основной причиной того, что русское освоение не поднималось вверх по Лиди от оз. Лидского, где располагается основной массив вепских деревень, входивших в прошлом в состав Пелушского погоста. Вепское наследие на Лиди ниже оз. Лидского прослеживается очень слабо. Создается впечатление, что оз. Лидское было своего рода границей вепского расселения на юг по Лиди, поскольку южнее начинались заболоченные на десятки километров, практически до устья реки, берега. Кроме того, свою роль, видимо, сыграл тот фактор, что оз. Лидское и примыкающие к нему территории оказались своеобразной буферной зоной, где соприкоснулось вепское освоение, продвигавшееся с севера и, возможно, с запада, и русское, распространявшееся с юга и запада. С предложенной выше схемой освоения согласуется название оз. *Лидское*, которое воспринималось как ключевое на р. Лидь.

Вепские поселения на территории обследования размещаются главным образом по берегам входящих в бассейн верхней Лиди лесных озер. За западными пределами Лидского бассейна находились кусты поселений Тутока, располагавшихся на озерах в верховьях р. Тутоки, и Иваново в истоках р. Пялица (бассейн р. Паши). По тому, как в данном вепском ареале представлены вепские топонимические модели, можно заключить, что он в целом един, хотя есть все же одна дистрибутивная модель, ареал которой покрывает лишь часть исследуемой зоны. Это ойконимы (названия поселений) на *-I*, известные как раз в двух упомянутых выше кустах поселений Тутока и Иваново за западными границами бассейна Лиди, а также на самой северной окраине ареала распространения южных вепсов, в бывшем гнезде Шигола: д. *Časl, Čečul, Čaigl, Šigoil*. Считается, что данная модель маркирует территорию относительно раннего расселения. Это названия своеобразных «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории [см.: Nissilä, 1961; Муллонен, 1994]. Если такая интерпретация верна и применима к территории расселения южных вепсов, то из этого следует, что заселение южновепского ареала происходило с севера, с верховий рек Капши и Паши, где располагается средневепский ареал. Последний характеризуется достаточно обширным и плотным скоплением ойконимов на *-I*, что также свидетельствует в пользу средневепских истоков модели на прилегающих к ней окраинах южновепской территории.

Обнаруживается еще одна показательная топонимическая модель, объединяющая южновепский ареал (причем практически весь) с расположенным севернее районом верховий Капши: ср. южновепс. *Kaamišt* и средневепс. *Koumišt* «кладбище» (отметим, что эта лексема не используется в современных вепских говорах для обозначения кладбища). Данный топоним привязан к объектам, считающимся в качестве мест, где жители захоронили себя, спасаясь от литвы (вариант: от турков). Этнографы полагают, что первоначально это были священные кладбища, на которых похоронены предки – покровители рода [см.: Винокурова, 1988, II]. Вологодский археолог А. Н. Башенькин, проводивший в конце 1980-х гг. раскопки в урочище *Kaamišt* в Чайгино, интерпретировал культуру как курганы XI–XII вв., сходные с приладожскими. При этом традиция погребения, заложенная курганами, продолжалась здесь – уже в форме грунтовых могильников – вплоть до XVI в. [см.: Башенькин, 1994].

Таким образом, вепские топонимические модели зоны обследования указывают на связь этой территории с вепскими районами верхней Капши. Не вполне ясна соотнесенность верховий Паши с районом озер Пашозеро и Шутозеро, поскольку по этой территории отсутствуют надежные топонимические материалы.

Топонимические связи с восточными окраинами вепского ареала менее выражены, хотя известно, что у жителей д. Саньков Бор и особенно д. Красный Бор, находящихся на восточной окраине южновепского ареала, существовали брачные, родственные отношения, обычай совместного отмечания праздников с вепсами верховий р. Ножемы. Оба названных южновепских поселения расположены рядом с оз. Святозеро (вепс. *Pihärv*). Специальное исследование, посвященное «святым» гидронимам в вепском ареале, доказывает, что такие топонимы привязывались к пограничным, окраинным водным объектам и первоначально маркировали границу своей, освоенной территории [см.: Муллонен, 1995]. Видимо, на первом этапе заселения южновепского ареала связи с восточными территориями по Ножеме и Колошме отсутствовали.

Анализ мотивов номинации южновепсской топонимии дает определенную информацию об историко-культурных особенностях ареала. В частности, в названиях нескольких кустов поселений на данной территории закрепились указания на те озера, при которых они были сформированы: *Sod'd'arv* (рус. *Сидорово*), *Šid'järv* (по оз. Шидрозеро; рус. *Прокушево*), *Maigjärv* (рус. *Боброзеро*). Эти кусты поселений существовали уже в XV в., о чем свидетельствуют материалы Писцовых книг Обонежской пятины по погосту Никольскому в Пелушах. Упомянутый в них обширный конгломерат поселений на *Сорво-озере* соответствует современному Сидоровскому кусту, что подтверждают карты Генерального межевания XVIII в., на которых оз. Сидоровское названо оз. *Сорва*. Помимо указанных, Писцовые книги фиксируют разветвленное поселение в *Чечуле* (совр. Тутока, Маслово, Сташково, Жары) и в *Чайгине* (совр. Чайгино с прилегающими деревнями Тедрово, Амосова Гора и Еремينا Гора). В основе обоих топонимов лежат ойконимы, образованные по *-l*-евой модели (*Čečul* и *Čaigl'*). Следует отметить, что гнездовой тип поселений оказался в значительной степени разрушенным.

Традиционная топонимия в совокупности с историческими источниками свидетельствует, таким образом, о присущем этой территории гнездовому типу расселения. В последующие столетия происходит определенное разрушение этой системы, связанное, видимо, с помещичьим землевладением и его последствиями, естественным процессом вымирания целого ряда мелких деревень, входивших в состав куста, а также активным развитием в начале XX в. хуторской системы.

Анализ топонимического материала, включающий его картографирование, позволяет реконструировать элементы традиционной системы расселения. В ряде топонимов использована ныне утраченная вепсская лексема **kond* 'крестьянский двор с окружающими его землями', т. е., по сути дела, 'однодворная деревня'. Она восстанавливается по данным родственных прибалтийско-финских языков, сохранивших этот термин, с учетом ландшафтно-географической характеристики мест, к которым привязаны на вепсской территории топонимы с элементом *kond-*. В них сохраняется память о некогда существовавших здесь однодворных деревнях: ср. поле *Kond* в Боброзере, бол. *Kondso* и поляна *Kond* у д. Остров, д. *Kond* в Сидорово, лесное урочище *Ondrejankond* в окрестностях д. Лахта и др.

Для реконструкции старой системы расселения может быть использована также одна показательная суффиксальная топомодель – вепсские названия с конечным долгим *oo*, который восходит к русскому суффиксу *-ово*, оформляющему в русской топонимии ойконимы. Активные вепско-русские контакты, а также официальный статус русских названий привели к тому, что в южновепском ареале сформировалась целая группа наименований хуторов, выселков, одиночных деревень, образованных по этой модели: *Tataroo* (*Татарово*), *Kostigoo* (*Костыгово*), *Vaskoo* (*Васьково*), *Juhnoo* (*Юхново*) и др. Сейчас в подавляющем большинстве случаев это названия сельскохозяйственных угодий, однако сам облик топонимов – конечный элемент *-oo*, присоединяющийся к отантропонимной основе, – свидетельствует в пользу того, что перед нами наименования бывших поселений. Это подтверждается, кстати, материалами Генерального межевания: некоторые существующие сейчас в качестве названий полей и лесных покосов топонимы зафиксированы на картах XVIII в. как наименования поселений.

На запустевшие, покинутые крестьянами деревни указывают и топонимы с основами *seliš* (из рус. *селище*) и *pust* (из рус. *пустошь*): ур. *Seliš* и поле *Pust* в Сидорово, *Laarinpust* в Лахте. С помещичьим землевладением связана частая в южновепском ареале основа *usadiš* (из рус. *усадьба*), обозначающая барскую усадьбу или место, где она стояла: д. *Usadiš* в Кортлахте, д. *Usadiš* у Пелушей, д. *Usadiš* в окрестностях Радогощи на карте Генерального межевания. О помещичьем землевладении свидетельствует и неоднократно встречающаяся в топонимии этого ареала основа *bajar* 'барин'. В свою очередь, хуторская система расселения отразилась как в топонимах типа *Futor* (Прокушево) или *Tatarvanhutor* (Тутока), так и в многочисленных отантропонимных географических названиях, восходящих к именам, фамилиям, прозвищам владельцев хуторов. Сейчас это по большей части сельскохозяйственные угодья: *Škorñ*, *Klui*, *Vaskoo*, *Kiškin*, *Anand*, *Login* и др. в окрестностях Прокушева.

В топонимах содержатся указания на традиционную дорожную сеть, формировавшую связи между поселениями: поле *Matkaazed* (Сидорово) – ср. вепс. *matk* 'путь, дорога'; оз. *Siidjärv* (Сидорово) – ср. вепс. *siid* 'мост'; поляна *Pagastle* (Сидорово), букв. «погостская дорога»; поле *L'uššik* (Боброзеро) – ср. рус. *люцик* 'дорога'; ур. *Tesarad* (Белая) – ср. вепс. *tesar* 'перекресток'. Картографирование урочищ показывает, что старая дорожная сеть отличалась от современной. Например, совсем по другому маршруту, чем сейчас, шла дорога, соединявшая Сидорово с Пелушским погостом или д. Белую с тем же Погостом. Знание этой традиционной системы связей существенно для понимания локальных особенностей в языке и культуре.

Наконец, топонимия несет информацию о разных сторонах экономической жизни населения: многочисленные топонимы отражают специфику подсечного земледелия, хранят память об охотничьих и рыболовных угодьях, рассказывают о расположении мельниц, кузниц, смолокурен, глиняных ям, пастбищ и др.

Основные научные результаты:

– выявлены топонимические модели, связывающие южновепский ареал с примыкающим с северо-запада районом бассейна р. Капши, населенном так называемыми средними вепсами. Топонимические связи с восточными окраинами вепского ареала менее выражены;

– обнаружены топонимические доказательства того, что русское освоение территории поднималось по рекам Тихвинке, Паше, а также Лиди. Географически русская территория обследования характеризуется как водораздел между тремя названными реками, с чем, видимо, связана относительная «вялость» русского освоения. Определяющим мотивом русского продвижения сюда было наличие водно-волоковых путей из Приладожья в Верхневолжье;

– реконструирован ряд элементов традиционной системы расселения в южновепском ареале.

В настоящее время собранный материал вводится по заданным параметрам в специальную информационно-поисковую систему, созданную в Институте ЯЛИ КарНЦ РАН. Для каждого топонима вносятся сведения об административной и географической привязке населенного пункта, вся собранная информация о нем и его названии. Отражаются также возможная научная этимология топонима, а также структурное членение названия, позволяющее осуществлять поиск его элементов. Каждый топоним паспортизируется, т. е. указываются фамилии информанта и собирателя, а также место и время записи.

Башенькин А. Н. Средневековые могильники южных вепсов // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 99–102.

Винокурова И. Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 4–26.

Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76–83.

Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом *-гост/-гоиць* на Северо-Западе СССР: К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25–46.

Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 17–27.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Kettunen L. Matkamuielmia Vepsän perukoilta // Virittäjä. 1918. S. 38–62, 95–104.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1961.

Väisänen A. O. Vepsäläisten luona v. 1916 // Kalevalaseuran Vuosikirja 49. Helsinki, 1969. S. 272–288.

И. И. Муллонен, доктор филол. наук, вед. науч. сотр. сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доцент кафедры финского языка и литературы Петрозаводского университета